

НАРОДНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ FOLK LANGUAGE TRADITIONS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.038

УДК 811.11'373.22 + 811.51'373.22 + 81'42 +
+ 81'38

Е. Г. Галицына

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТЫСЯЧЕЛИСТНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (*ACHILLEA MILLEFOLIUM* L.) В НАРОДНОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ ГЕРМАНСКИХ И ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются народные названия (фитонимы), обозначающие тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) в двух германских (английский, немецкий) и трех финно-пермских языках (финский, включая ингерманландские говоры, карельский и коми). Эти фитонимы анализируются с точки зрения мотивации, определяются признаки, которые могут лежать в основе названий данного растения. Некоторые наименования, относящиеся к германским языкам, рассматриваются также в диахроническом аспекте. В исследовании применяются описательный, контрастивный и сравнительно-исторический методы. В качестве основных источников материала используются следующие работы: «Dictionary of English Plant Names» (J. Britten, R. Holland), «Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen» (G. Pritzel, C. Jessen), «Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen» (H. Marzell), «Suomalaiset kasvinnimet» (P. Suhonen), «Финская народная лексика флоры (становление и функционирование)» (Ю. Э. Коппалева), «Коми-русский ботанический словарь» (А. Н. Ракин).

Установлено, что наименования тысячелистника мотивированы следующими признаками: форма; использование в народной медицине; место произрастания; эффект, производимый растением; использование в пищу животными; народные поверья и обычаи; цвет; особенности структуры. Автор приходит к выводу, что представления о тысячелистнике в пяти рассмотренных языках в целом совпадают, что может объясняться общностью взгляда на растение у носителей данных языков. В фитонимах обеих языковых групп содержатся следующие признаки: форма; использование в народной медицине; эффект, производимый растением; народные поверья и обычаи; цвет. Только в финно-пермских наименованиях отмечаются место произрастания и особенности структуры, и только в германских

фитонимах встречается признак использования в пищу животными. Кроме того, в статье содержатся выводы относительно распространенности тех или иных признаков номинации в названиях тысячелистника в пяти рассматриваемых языках; также описаны некоторые сложности, которые могут возникнуть при анализе и классификации данного материала.

Ключевые слова: фитонимия; народные названия растений; английский язык; немецкий язык; финский язык; карельский язык; коми язык; номинация; мотивация; сравнительный анализ

Цитирование: Галицына Е. Г. Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) в народной номенклатуре германских и финно-пермских языков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 246–258. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.038>

Поступила в редакцию: 20.10.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Elena G. Galitsyna

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

COMMON YARROW (*ACHILLEA MILLEFOLIUM* L.) IN THE FOLK TAXONOMY OF THE GERMANIC AND FINNO-PERMIC LANGUAGES

This article deals with folk names (phytonyms) that denote common yarrow (*Achillea millefolium* L.) in two Germanic (English, German) and three Finno-Permic languages (Finnish including Ingrian Finnish dialects, Karelian and Komi). The author analyses the motivations of these folk names and identifies some of the nominative characteristics which the names of this plant can be based upon. Some names belonging to the Germanic languages are also viewed in the diachronic perspective. The research employs the descriptive, contrastive, and comparative methods. The material mainly draws from the following sources: *Dictionary of English Plant Names* (J. Britten, R. Holland), *Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen* (G. Pritzel, C. Jessen), *Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen* (H. Marzell), *Suomalaiset kasvinnimet* (P. Suhonen), *Finnish Folk Plant Vocabulary (Formation and Functioning)* (Yu. E. Koppaleva), and *Komi-Russian Botanical Dictionary* (A. N. Rakin).

It is established that the names of yarrow are motivated by the following characteristics: form; usage in folk medicine; habitat; effect produced by the plant; usage by animals as food; folk beliefs and customs; colour; features of structure. The author concludes that the images of yarrow in the five languages considered mostly correspond with each other. This can be explained by the common view on the plant among the speakers of these languages. The names belonging to both language groups contain the following characteristics: form; usage in folk medicine; effect produced by the plant; folk beliefs and customs; colour. The Finno-Permic languages alone note the habitat and features of structure and only the Germanic languages note usage

by animals as food. In addition, the article contains observations as to how frequently these nominative characteristics occur in the names of yarrow in the five languages studied. The author also describes some difficulties that can arise during the analysis and classification of this material.

Key words: phytonymy; folk names of plants; English language; German language; Finnish language; Karelian language; Komi language; nomination; motivation; comparative analysis

For citation: Galitsyna, E. G. (2021). Tysiachelistnik obyknovennyi (*Achillea millefolium* L.) v narodnoi nomenklature germanskikh i finno-permskikh iazykov [Common Yarrow (*Achillea millefolium* L.) in the Folk Taxonomy of the Germanic and Finno-Permic Languages]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 246–258. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.038>

Submitted: 20.10.2020

Accepted: 15.04.2021

Изучение номенклатуры растений позволяет проникнуть в картину мира различных народов, их представления о природе и окружающей действительности в целом. Особенно любопытно сопоставить названия растений (фитонимы), относящиеся к двум языковым семьям (индоевропейской и уральской). Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) — растение, широко распространенное на территории проживания носителей как германских, так и финно-пермских языков; оно играет важную роль в народной медицине и имеет ряд хорошо узнаваемых особенностей. Благодаря этому в двух рассматриваемых группах языков существует большое количество наименований тысячелистника, имеющих различную мотивацию.

Германские языки

В современных английском и немецком языках наиболее широко распространены названия тысячелистника, имеющие общее происхождение: англ. *yarow* и нем. *Garbe*. Известны соответствия этим названиям в истории обоих языков: английскому фитониму предшествовали др.-англ. *gearwe* и ср.-англ. *yarowe*, *yarwe*; немецкому — др.-в.-нем. *gar(a)wa* и ср.-в.-нем. *garwe* [Klein, p. 836]. Однако дальнейшая их этимология является неясной. Согласно одной версии, данные слова происходят от общегерм. **garwo*, чей источник, возможно, исторически связан с корнем современного слова *yellow* ‘желтый’ [OED]. Другая версия связывает фитоним с нем. *gar* ‘готовый’ (например, о еде) (< общегерм. **garwa*); причины такого происхождения объясняются также по-разному. Растение может именоваться «готовым», «подготовленным» благодаря своему традиционному и широко известному использованию в качестве кровеостанавливающего средства. Другой источник трактует название тысячелистника в германских языках как «красивый и полностью снаряженный» (в таком случае

описываются его изящные листья, состоящие из множества частей) [цит. по: Marzell, S. 82].

В древнеанглийском языке, помимо упомянутого названия, *Achillea millefolium* также мог обозначаться *rēade gearwe* (букв. «красный тысячелистник»). Вероятно, этот фитоним относился к подвиду тысячелистника обыкновенного, имеющему красные цветки [Krischke, p. 373]. В среднеанглийский период, кроме *yarowe*, *yarwe*, появились и другие наименования растения: *mil-foil*, *nōse-blēde* и *sanguinārīe*.

Первый фитоним в настоящее время имеет форму *milfoil*; он был заимствован в среднеанглийский язык из старофранцузского (*milfoil*), куда он, в свою очередь, проник из латинского (*mīlifolium*, *millefolium*, от *mille* ‘тысяча’ и *folium* ‘лист’) [МЕС; OED]. Признаком номинации стала форма листьев растения: они рассечены на тонкие сегменты и будто бы состоят из множества маленьких листочков [Иллюстрированный определитель растений..., с. 319].

Среднеанглийский фитоним *nōse-blēde* (от *nōse* ‘нос’ и *blēden* ‘кровоточить’) сохранился в языке до настоящего времени (совр. англ. *nosebleed*). Относительно его мотивации обнаруживаются противоречивые данные. В «Гербарии» Джона Джерарда — фундаментальном труде о растениях, написанном в конце XVI в., — указывается следующее свойство тысячелистника: если его листья положить в нос, то из него пойдет кровь [Gerard, p. 1073]. Однако в гербарии Джона Паркинсона 1640 г., напротив, утверждается, что тысячелистник может использоваться как средство против носового кровотечения [Parkinson, p. 695]. Подобные наименования существуют и в других языках: например, нем. *Blutnase* и фр. *saigne-nez*. Немецкое название объясняется тем, что дети кладут в нос листья тысячелистника с целью вызвать кровотечение из него; французский же фитоним мотивирован способностью растения такое кровотечение останавливать [Marzell, S. 89]. Среднеанглийский фитоним мог быть образован от французского путем калькирования, как многие языковые единицы в этот период; в таком случае его мотивация связана с лечебным действием. Но для определения признака, лежащего в основе названия, необходимо более подробно изучить материал различных языков, что является задачей дальнейшего исследования.

Еще одно среднеанглийское наименование тысячелистника, перешедшее в современный язык, — *sanguinārīe* (< лат. *sanguināria*, ж. р. от *sanguinārius* ‘кровяной, кровавый’: использовалось в качестве сокращения от *herba sanguināria*, букв. «кровяная трава») [МЕС]. В современном английском языке фитоним *sanguinary* (букв. «кровавый») обозначает тысячелистник и мотивирован кровоостанавливающим действием, которым обладает растение [Prior, p. 197; Лекарственные растения..., с. 249]. Это же свойство воплощено в наименованиях *bloodwort* (букв. «кровь-трава») и *carpenter-grass* (букв. «плотник-трава»). Второе из них объясняется тем, что плотники легко могут пораниться во время своей работы, поэтому тысячелистник для них — особенно ценное растение [DEPN, p. 563; Marzell, S. 89]. Наличие французского соответствия *herbe à charpentier*

[Marzell, S. 89] позволяет предположить, что фитоним *carpenter-grass* был получен путем калькирования; дополнительно на это указывает то, что англ. *carpenter* было заимствовано из англо-французского языка в XIV в. (англ.-фр. *carpenter*) [OED]. Возможно, что название *carpenter-grass* возникло еще в средне-английский период, однако не было зафиксировано и попало в словари только на современном этапе развития языка.

Некоторые современные английские названия тысячелистника обыкновенного выражают уже отмеченный признак формы листьев, например, *hundred-leaved grass* (букв. «трава с сотней листьев») и *thousand-leaf* (букв. «тысяча-лист»). Присутствует также группа наименований, которые, очевидно, мотивированы свойством растения вызывать чихание: *sneezewort* (букв. «чиханье-трава»), *old man's mustard* (букв. «горчица старика») и *old man's pepper* (букв. «перец старика») [DEPN, p. 439, 563]. Вероятно, такая особенность тысячелистника объясняется его запахом; но точного указания на это не найдено, поэтому признак номинации можно обозначить как «эффект, производимый растением» (так же определим мотивацию фитонима *nosebleed*).

В англоязычном фольклоре тысячелистник встречается в большом количестве поверий, прежде всего связанных с гаданием на суженого. Однако эти поверья практически никогда не проявляются в фитонимах. Среди исключений — название *seven years' love* (букв. «любовь семи лет»); в одной из областей Англии традицией было влетать тысячелистник в свадебный венок, что должно было гарантировать семь лет счастливой семейной жизни [Watts, p. 441]. Фитоним *traveller's ease* (букв. «легкость путешественника») [Macmillan, p. 273] может иметь как медицинское, так и фольклорное основание. Тысячелистник использовался против судороги (для этого нужно было носить его лист в обуви) [Allen, Hatfield, p. 301–302]; возможна и вера в то, что, положив растение в обувь, путник не будет уставать. Известно, что второе свойство приписывалось полыни [Watts, p. 258]; в отношении тысячелистника подобного поверья не зафиксировано, но, возможно, оно также существовало.

Учитывая роль тысячелистника в народной медицине и традиции, можно заключить, что это растение имеет довольно хорошую «репутацию». На этом фоне неожиданным является объяснение наименования *fever-plant* (букв. «лихорадка-растение»), которое приводится на сайте Plant-Lore: по словам информанта, считалось, что тысячелистник вызывает болезнь, и его нельзя срывать или приносить в дом [Yarrow]. Учитывая это объяснение, можно отнести название к группе «Народные поверья и обычаи». Однако вероятно также и то, что изначально мотивация фитонима была основана на способности растения лечить лихорадку, а упомянутое поверье появилось позднее, возможно, под влиянием внутренней формы названия.

В немецком языке существует два общеупотребительных фитонима, обозначающих тысячелистник обыкновенный — *Garbe* (см. выше) и *Schafgarbe*. Сложный фитоним *Schafgarbe* (букв. «овца-тысячелистник») мотивирован тем, что растение охотно поедают овцы (признак «использование в пищу

животными») [Kluge, S. 793]. Но в данном названии роль играет и то, что частое место произрастания тысячелистника — на овечьих пастбищах [DWDS].

Помимо этих двух фитонимов, в немецком языке существует множество менее частотных или отмеченных только в отдельных диалектах названий тысячелистника. Важным признаком, — пожалуй, более распространенным, чем в английском, — является применение в народной медицине, прежде всего как средства от кровотечений при ранах и порезах. Так, номинацию *Gachheil* и родственные ей (*Gacherl* и т. д.) можно буквально перевести как «быстро исцеляющая (трава)»: элемент *gach* восходит к др.-в.-нем. *gahi* и ср.-в.-нем. *gâhi* и соответствует совр. нем. *jäh* ‘быстрый, стремительный’, а второй элемент образовался от глагола *heilen* ‘лечить, исцелять’. О таком же лечебном использовании свидетельствуют фитонимы *Heil allen Schaden* (букв. «исцеление от всех повреждений») и *Bluatstiller* (букв. «останавливающий кровь») [Marzell, S. 87–89; Deutsches Wörterbuch]. Название *Bauchwehkrout* (букв. «боль в животе — трава») мотивировано другим лекарственным свойством растения: в народной медицине тысячелистник используется для лечения различных заболеваний желудочно-кишечного тракта [Pritzel, Jessen, S. 6; Лекарственные растения..., с. 249].

Особенности строения листьев стали мотивацией для следующих названий: *Tausendblatt* (ср.-в.-нем. *Tausendplat*; букв. «тысяча-лист»), *Schafrippe* (букв. «овца-ребро»), *Schafzunge* (букв. «овца-язык»), *Katzenschwanz* (ср.-в.-нем. *Katzenzagal*; букв. «кошачий хвост») и *Schafscheer* (букв. «овца-ножницы») [Pritzel, Jessen, S. 6–7; Marzell, S. 86]. Первый фитоним соответствует англ. *thousand-leaf*; согласно Г. Марцеллу, как немецкое, так и английское названия представляют собой кальку лат. *millefolium*. Номинация *Schafrippe* объясняется тем, что расположение сегментов на листе может напоминать расположение ребер; на образование третьего и четвертого названий повлияло то, что листья растения узкие и гибкие. Любопытным образом форма листьев воплощена в диалектном названии *Schafscheer*. Г. Марцелл возводит это и другие подобные названия к глаголу *scheren* ‘стричь’, первоначальное значение которого — ‘разрезать, растрепать’: листья будто разрезаны на много частей [Marzell, S. 85–86]. В фитонимах с компонентом *Schaf* могло также отразиться место обитания тысячелистника и то, что он поедается овцами (см. *Schafgarbe*).

Довольно большую группу в немецком языке составляют наименования *Röllike*, *Reilken*, *Rielße* и т. п. (с различной фонетической структурой). Эти номинации имеют нижненемецкое происхождение (ср.-н.-нем. *roleke*, *releke*, от ср.-н.-нем. *rôle* ‘круглый предмет’). Объяснение, которое дается таким фитонимам, — «листья [тысячелистника] закручиваются, как кудрявые волосы» [Ibid., S. 83–84; Schiller, Lübben, S. 503]. Мягкие листья растения действительно иногда закручиваются, и, по-видимому, при создании указанных названий такие листья напомнили завитки. Но все же мотивация остается не вполне ясной и требует дальнейшего анализа.

Небольшое количество немецких названий *Achillea millefolium* мотивировано народными поверьями и обычаями. В основе одного из них — *Melkkruut* (букв.

«молоко-трава») — лежит последовательность действий, которая применялась для того, чтобы коровы не теряли в молоке на пастбище. Для этого по дороге на дойку доярка должна была сорвать три листа тысячелистника и положить их в ведро для молока. На обратной дороге надо было снова сорвать три листа и положить их на «деревянный диск» другого ведра (по-видимому, имеется в виду деревянное основание перевернутого ведра) [цит. по: Marzell, S. 89].

Достаточно редким в немецком языке является обозначение тысячелистника по оттенку соцветий. Так, в различных диалектных вариантах встречается фитоним *Grützenkraut* (букв. «трава крупы (каши)»), а в одной из областей Германии — слово *Riesbloom* (букв. «рис-цветок») [Ibid., S. 86–87]. Кроме того, кажется вероятным, что на образование этих номинативных единиц повлияла и форма соцветий (особенно это касается первого примера).

Финно-пермские языки

Наиболее распространенное финское название тысячелистника обыкновенного (а также рода в целом) — *kärsämö* (от *kärsä* ‘(свиное) рыло’). Его мотивацию можно объяснить при помощи других подобных фитонимов, таких как *kärsäheinä* (букв. «рыло-трава»), *siankärsä* (букв. «свиное рыло») и *siansiera* (букв. «свиная ноздря») [Suhonen, s. 20–23]. Можно было бы предположить, что внутренняя форма этих слов связана с тем, что растение применяется в качестве корма для свиней; но, согласно определителю, животные поедают тысячелистник только в молодом возрасте [Вакар, с. 353]. Более того, для *Achillea millefolium* отсутствуют номинации вида «свиная трава». Все обозначения с компонентом *sian* также содержат слово *kärsä* ‘(рыло)’ или — реже — *siera* (последнее в словаре переводится как «точильный камень», но здесь, вероятно, является диалектным вариантом *sierain* ‘ноздря’). Представляется, что все приведенные фитонимы имеют в своей основе признак формы: круглая центральная часть цветка немного приподнята и в ней есть небольшие отверстия, поэтому соцветия и сравниваются со свиным рылом.

Форма листьев *Achillea millefolium* в финском языке отразилась в фитониме *satalehti* (букв. «сто-лист»). Числительное содержится и в названии *tuhatlatva* (букв. «тысяча-верхушка»); но в данном случае имеется в виду форма соцветия, которое состоит из множества цветков. Еще одна номинация, основанная на строении растения, — *häränhäntä* (букв. «бычий хвост») [Lönnrot, Saelan, s. 381]. В отличие от нем. *Katzenschwanz*, данный фитоним, скорее всего, мотивирован формой стебля — длинного и покрытого листьями («кисточками»). Это подтверждается тем, что наименование *häränhäntä* может обозначать также полынь обыкновенную (*Artemisia vulgaris* L.) [Ibid., s. 382] и определенно относится к ее стеблю (листья полыни хвост совершенно не напоминают). Кроме того, на возникновение фитонима могло повлиять то, что у тысячелистника, как и у полыни, жесткий стебель (признак «особенности поверхности и структуры») [Ильина, с. 151; Вакар, с. 384].

Как и в германских языках, среди финских обозначений тысячелистника важное место занимает признак лекарственного использования. Внутренняя форма фитонима *rautaheinä* (букв. «железо-трава») объясняется тем, что тысячелистник применялся для заживления ран, нанесенных железом. Такие раны считались наиболее тяжелыми; для их лечения использовались особые лечебные травы и заговоры, в основе подобных номинаций растений лежат древние поверья [Бродский, 2006, с. 79–80]. Название *lavanautiheinä* (букв. «[брюшной] тиф-трава») [Lönnrot, Saelan, s. 381] можно сравнить с нем. *Bauchwehkraut*. Сомнительно, однако, что растение действительно помогает при столь серьезном заболевании; поэтому фитоним отражает лишь традицию использовать тысячелистник в народной медицине, а не его лекарственное действие. Еще одно название, основанное на признаке лекарственного использования растения, — фин. ингерм. *nor'heinä* (букв. «норица-трава»): тысячелистник применялся в качестве противовоспалительного средства для лечения крупного рогатого скота [Коппалева, с. 198].

В отличие от английского и немецкого, в финском языке распространенным является обозначение тысячелистника по месту произрастания. Этот признак проявляется, в частности, в фитонимах *peldoruoho* (букв. «поле-трава») и *pellonvanhin* (букв. «полевой старейшина») [Suhonen, s. 21]. Если мотивация первого из них вполне очевидна, то второе содержит дополнительный признак и требует комментария. Помимо слова *pellonvanhin*, существует еще несколько финских названий тысячелистника с буквальными значениями «старший в поле», «полевой старец» и т. п. [Ibid.]; вероятным кажется предположение, что в этих номинациях выражена значимость растения, — в первую очередь, в народной медицине.

Как в говорах на территории Финляндии, так и в ингерманландских говорах присутствуют названия, указывающие на другое место обитания тысячелистника — вдоль дорог [Иллюстрированный определитель растений..., с. 319]. К таким фитонимам относятся, например, фин. ингерм. *tuant'ienkukka* (букв. «(при)дорожный цветок») и *t'ienvierenromaska* (букв. «придорожная ромашка») [Коппалева, с. 65, 90].

Пожалуй, наиболее интересное и вместе с тем загадочное наименование из этой группы — *pyörtänä-pöllö* (букв. «обочина-дурак (болван)») [Suhonen, s. 22]. Казалось бы, этот фитоним (а также сходные с ним) противоречит названиям наподобие *pellonvanhin*: в последнем отмечается «мудрость» растения, его незаменимость, а в первом, как можно подумать, — его бесполезность, «бестолковость». Но на самом деле такого противоречия нет: компонент *pöllö*, вероятно, всего лишь указывает на сходство растения с человеческой фигурой. О подобных случаях пишет Н. А. Синица на материале славянских языков: мотивацией для некоторых фитонимов является сходство цветка с головой (ср. рус. *головки*, *головняк* ‘короставник полевой’, *Scabiosa arvensis*) или сходство всего растения с прямоходящей фигурой человека [Синица, с. 240–241; Анненков, с. 317]. Правда, в отличие от тысячелистника, соцветие короставника

имеет шарообразную форму; в качестве же примеров ко второй мотивации в цитируемой статье приводятся наименования вида *non*, *noný* и т. п. [Синица, с. 240–241]. Однако такое уподобление, наряду с местом произрастания, вполне может лежать и в основе фин. *pyörtänö-pöllö*.

В некоторых финских названиях отмечается способность тысячелистника вызывать чихание (*akantupakki*, букв. «бабий табак») и кровотечение из носа (*nenäheinä*, букв. «нос-трава») [Suhonen, s. 19–20]. Компонент *akan* ‘бабий’ в первом фитониме имеет значение ‘ненастоящий, неполноценный’; эту же функцию выполняет сочетание *old man’s* в англ. *old man’s mustard* и *old man’s pepper*. Изредка упоминается оттенок соцветий: например, в фин. ингерм. *valkijaromaska* (букв. «белая ромашка»; *romaska* < рус. *ромашка*). Слово *romaska* выступает в качестве родового наименования и объединяет, в частности, тысячелистник и пижму (последняя обозначается названием *keltaneromaska*, букв. «желтая ромашка») [Коппалева, с. 198]. Признак структуры стебля (его жесткости) лежит в основе фитонима *hurstinkukka* (букв. «цветок дерюги») [Suhonen, s. 19].

Наконец, два наименования — *kirokukka* и *kuperkeikka* [Ibid., s. 20] — имеют неясную мотивацию, которая может быть связана с народными поверьями и обычаями. Первый фитоним буквально переводится как «проклятие-цветок»; возможно, это следует понимать как «цветок, защищающий от проклятия». Известно, что в Ирландии тысячелистник наделялся силой разгонять злых духов; в некоторых областях Англии считалось, что он отражает злые чары, а если положить эти растения на порог, в дом не осмелится зайти ни одна ведьма [Watts, p. 440]. Возможно, подобные представления существовали и в Финляндии: растению, столь важному в народной медицине, могли приписываться и магические свойства. Фитоним *kuperkeikka* довольно широко распространен в Финляндии, а также зафиксирован в ингерманландских говорах. Это слово также имеет значение ‘переворот’ или ‘кувырок’ и связано с глаголом *keikkuu* ‘прыгать’ [Коппалева, с. 114]. Можно предположить, что фитоним отражает какой-то народный обычай, однако неизвестно, какой именно.

В карельском языке наиболее широко распространенный фитоним со значением ‘тысячелистник’ — *rauduheiny* (букв. «железо-трава») [БРКС, с. 357]. Данное название соответствует фин. *rautaheinä* и мотивировано лекарственным применением растения. Еще одно название — *kiviheinä* (букв. «каменная трава») [Бродский, 2014, с. 315] — указывает на то, что это неприхотливое растение может встречаться в том числе на каменистых почвах (признак «место произрастания»). Наименования тысячелистника в карельском языке немногочисленны; но, скорее всего, это объясняется меньшей изученностью лексического состава этого языка по сравнению, например, с финским. Вероятно, помимо зафиксированных названий, существуют (или существовали ранее) и другие фитонимы, обозначающие растение.

Большинство коми названий *Achillea millefolium* основаны на лекарственных свойствах растения, наиболее часто упоминаемое из которых — способность останавливать кровь. Об этой способности свидетельствуют следующие

наименования: *вир дугōдан турун* (букв. «трава, запрещающая кровь»), *вир кутан турун* (букв. «трава — держатель крови», т. е. «трава, сдерживающая кровь»), *вир ланьтōдан турун* (букв. «трава, успокаивающая кровь»). Фитоним *кōртдой турун* (букв. «рана от железа (металла) — трава») практически аналогичен фин. *rautaheinä* и карел. *rauduheiny* [Ракин].

Другими «направлениями» использования в народной медицине мотивированы следующие коми названия тысячелистника: *пиня турун* (букв. «трава (от) зуба»), *ньōмдой турун* (букв. «трава (от) опухоли») и *пōдōм турун* (букв. «одышка (удушье)-трава»). Первое из них, как и предыдущие, основано на кровоостанавливающем действии растения: оно применялось при кровоточивости десен и кровотечении из зуба [Бродский, 2006, с. 82, 141]. Второй фитоним, по-видимому, отражает свойство тысячелистника излечивать не только порезы, но и другие болезненные состояния кожи. Мотивацию наименования *пōдōм турун* можно подтвердить сведениями о том, что *Achillea millefolium* традиционно используется при бронхите и астме [Allen, Hatfield, p. 301–302].

В основе фитонимов *чарла турун* (букв. «сerp-трава») и *чарлапинь турун* (букв. «зубья (насечка) серпа — трава») [Ракин] лежит форма листьев растения. Острые серпа имеет мелкие зазубрины [ЭСБЕ]; вероятно, с этим острием сравнивается неровный (и к тому же узкий) край листа тысячелистника, характерные очертания которому придает его разделенность на множество сегментов. Формой мотивировано также наименование *коз лыс турун* (букв. «трава — еловая хвоя») [Ракин]: листья *Achillea millefolium* действительно напоминают ветку ели. В одном обозначении указывается на твердый стебель тысячелистника: *болонь турун* переводится как «заболонь-трава» [Там же].

Заключение

В статье рассмотрено 75 единиц народной номенклатуры растений, обозначающих тысячелистник обыкновенный (41 в германских языках и 34 в финно-пермских языках), включая исторические номинации (в английском и немецком). В основе данных фитонимов лежат следующие признаки номинации: форма; использование в народной медицине; место произрастания; эффект, производимый растением; использование в пищу животными; народные поверья и обычаи; цвет; особенности структуры.

Проанализировав данный материал, можно заключить, что представления о тысячелистнике в пяти рассмотренных языках в целом совпадают. Отчасти это стало следствием заимствований (например, из латинского); но основной причиной такого совпадения является то, что разные народы отмечают в языке одни и те же свойства и особенности растения. В фитонимах обеих языковых семей упоминаются следующие признаки: форма; использование в народной медицине; эффект, производимый растением; народные поверья и обычаи; цвет. Как правило, эти черты хорошо заметны: их легко наблюдать в повседневной жизни, особенно находясь вблизи от природы. Поэтому форма, цвет

и производимый «эффект» стали признаками, характеризующими тысячелистник как в германской, так и в финно-пермской народной номенклатуре. Лечебные свойства *Achillea millefolium* не только заметны, но и чрезвычайно важны (прежде всего это касается кровоостанавливающего действия). Роль в народных поверьях может в некоторой степени объясняться важностью тысячелистника для народной медицины.

Два признака — место произрастания и особенности структуры — присутствуют только в финно-пермских наименованиях *Achillea millefolium*. Местом произрастания могут быть отчасти мотивированы некоторые немецкие фитонимы; но этот признак выражается в них не так явно и менее распространен, чем в финском языке. В свою очередь, только в германских языках (немецком) встречается признак использования в пищу животными.

Некоторые наблюдения касаются также распространенности тех или иных признаков номинации. В рассмотренных фитонимах обеих групп наиболее часто отмечаются форма и лекарственные свойства тысячелистника. При этом в германских языках самый упоминаемый признак — форма (13 названий), а в финно-пермских — применение в медицине (12) (применением в медицине мотивировано 8 германских названий, а формой — 11 финно-пермских). На третьем месте среди финно-пермских фитонимов находится признак места произрастания (6 названий), а среди германских — эффект, производимый растением (6). Народные поверья и обычаи обозначены в не очень большом количестве номинаций (4 в германских языках и 2 в финно-пермских), как и цвет (3 и 1 соответственно). Использованием в пищу животными мотивировано 4 германских фитонима; 3 финно-пермских наименования мотивированы особенностями структуры, а 2 — эффектом, который производит растение.

Необходимо также заметить, что не всегда возможно точно определить признак, воплощенный в фитониме. Так, среди германских названий 6 имеют неясную мотивацию (это касается наиболее древних из них); подобные примеры есть и в финно-пермской группе. Кроме того, в основе фитонима нередко лежит не один, а два или несколько признаков, что может усложнить анализ и классификацию материала.

Сокращения в наименованиях языков и диалектов

англ.	английский	ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
англ.-фр.	англо-французский	ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
др.-англ.	древнеанглийский	рус.	русский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий	совр. англ.	современный английский
карел.	карельский	совр. нем.	современный немецкий
лат.	латинский	фин.	финский
нем.	немецкий	фин. ингерм.	ингерманландские говоры
общегерм.	общегерманский		финского языка
ср.-англ.	среднеанглийский	фр.	французский

Источники

- Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1878.
- БРКС — Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова. Петрозаводск : Verso, 2011.
- Вакар Б. А. Определитель растений Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964.
- Иллюстрированный определитель растений Средней России : в 3 т. Т. 3 : Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные) / И. А. Губанов, К. В. Киселева, В. С. Новиков, В. Н. Тихомиров. М. : Т-во науч. изданий КМК : Ин-т технол. исследований, 2004.
- Ильина Т. А. Большая иллюстрированная энциклопедия лекарственных растений. М. : Эксмо, 2015.
- Лекарственные растения в научной и народной медицине / Б. Г. Волынский, К. И. Бендер, С. Л. Фрейдман [и др.] ; под ред. Р. Ф. Носковой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1967.
- Ракин А. Н. Коми-русский ботанический словарь. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989. URL: <http://foto11.com/коми/vocabular/botanic.php> (дата обращения: 05.10.2020).
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus> (дата обращения: 30.09.2020).
- DEPN — Dictionary of English Plant Names / ed. by J. Britten, R. Holland. London : Trübner & Company, 1886.
- Deutsches Wörterbuch / von J. Grimm und W. Grimm. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (date of access: 01.10.2010).
- DWDS — Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (date of access: 28.09.2020).
- Gerard J. The Herball, or Generall Historie of Plantes. London : Print. by Adam Islip, Joice Norton and Richard Whitakers, 1636.
- Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. London : Elsevier, 1971.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache / bearb. von E. Seebold. 25. Aufl. Berlin : De Gruyter, 2011.
- Krischke U. The Old English Complex Plant Names: a Linguistic Survey and a Catalogue. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013.
- Lönnrot E., Saelan Th. Flora Fennica. Suomen kasvio. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa, 1866.
- Macmillan A. S. Popular Names of Flowers, Fruits, etc., as Used in the County of Somerset and the Adjacent Parts of Devon, Dorset and Wilts. Yeovil : Western Gazette etc. Co., Ltd., 1922.
- Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Leipzig : Verl. von S. Hirzel, 1959. Bd. 1.
- MEC — Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary> (date of access: 04.10.2020).
- OED — Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 04.10.2020).
- Parkinson J. Theatrum Botanicum = the Theater of Plants: or, An Herball of a Large Extent. London : Print. by Tho. Cotes, 1640.
- Prior R. C. A. On the Popular Names of British Plants, Being an Explanation of the Origin and Meaning of the Names of Our Indigenous and Most Commonly Cultivated Species. London : Williams and Norgate, 1863.
- Pritzel G., Jessen C. Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen. Hannover : Verl. von Philipp Cohen, 1882.
- Schiller K., Lübken A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 3. Bremen : Verl. von J. Kühtmann's Buchhandlung, 1877.
- Suhoen P. Suomalaiset kasvinnimet. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Oy., 1936. (Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo ; Vol. 7, No. 1).

Watts D. C. Dictionary of Plant Lore. London : Elsevier, 2007.

Yarrow // Plant-Lore : [site]. URL: <https://www.plant-lore.com/yarrow/> (date of access: 06.10.2020).

Исследования

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках : На материале прибалтийско-финских и коми языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2006.

Бродский И. В. Номинация растений по признаку места их произрастания в финно-пермских языках // Вопросы уралоистики 2014 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб : Нестор-История, 2014. С. 300–361.

Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2007.

Синица Н. А. Образы христианских служителей культа в славянских народных названиях растений // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII, ч. 2. С. 239–255.

Allen D. E., Hatfield G. Medicinal plants in folk tradition: an ethnobotany of Britain and Ireland. Portland ; Cambridge : Timber Press, 2004.

References

Allen, D. E., & Hatfield, G. (2004). *Medicinal Plants in Folk Tradition: an Ethnobotany of Britain and Ireland*. Portland; Cambridge: Timber Press.

Brodsky, I. V (2006). *Nazvaniia rastenii v finno-ugorskikh iazykakh: Na materiale pribaltiisko-finskikh i komi iazykov* [Names of Plants in the Finno-Ugric Languages: Based on the Material of the Finnic and Komi Languages] (doctoral dissertation). Institute for Linguistic Studies of the RAS, St Petersburg.

Brodsky, I. V. (2014). Nominatsiia rastenii po priznaku mesta ikh proizrastaniia v finno-permskikh iazykakh [The Nomination of Plants According to Their Habitat in the Finno-Permian Languages]. In S. A. Myznikov (Ed.), *Voprosy uralistiki 2014* [Issues of Uralic Studies 2014] (pp. 300–361). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Koppaleva, Yu. E. (2007). *Finskaia narodnaia leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie)* [Finnish Folk Plant Vocabulary (Formation and Functioning)]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS.

Sinitsa, N. A. (2017). Obrazy khristianskikh sluzhitelei kul'ta v slavianskikh narodnykh nazvaniiax rastenii [The Images of Clerics in the Slavonic Folk Plant Names]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovani RAN*, 13(2), 239–255.

Галицына Елена Георгиевна

ассистент кафедры германской филологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: helen25-00@mail.ru

Galitsyna, Elena Georgievna

Teaching Assistant
Department of Germanic Philology
Ural Federal University
620000, 51, Lenin Ave.,
Yekaterinburg, Russia
Email: helen25-00@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0812-123X>